

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 158

28 июля 2026 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием заявителя Ш., адвоката А., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Ш. от 17 марта 2026 года (вх. № ... от ...) в отношении адвоката А. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 10 июня 2026 года вынесла заключение о нарушении адвокатом А. пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 5 ст. 9 и п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в принятии на себя не позднее 09 декабря 2025 года устного обязательства перед Ш., используя имеющиеся у нее коррупционные связи в правоохранительных органах, добиться возбуждения в отношении А. А.В. и его супруги – Т. уголовных дел в целях понуждения А. А.В. к возврату Ш. долга по договору процентного целевого займа № ... от 01 августа 2024 года.

Заявитель Ш. в заседании Совета пояснил, что с заключением Квалификационной комиссии ознакомлен и согласен. Считает, что с учетом тяжести совершенного адвокатом А. дисциплинарного проступка, явного злоупотребления доверием с ее стороны, а также тем, что в результате подобных действий адвоката взыскание долга с А. А.В. стало затруднительным, к ней необходимо применить меру дисциплинарного взыскания в виде прекращения статуса адвоката.

Адвокат А. в заседании Совета пояснила, что с заключением Квалификационной комиссии ознакомлена и согласна частично. Признает, что, взаимодействуя с Ш., вела себя непрофессионально и юридическую помощь по существу не оказывала, а лишь передавала информацию от ООО

«В.». Утверждает, что каких-либо коррупционных связей в правоохранительных органах у нее не имелось, при этом представленную заявителем переписку, голосовые сообщения и расшифровку телефонных переговоров подтверждает. Просит учесть, что Ш. является профессиональным инвестором, а представленный им договор займа вызывает сомнения в его достоверности.

Рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, Совет соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

Ш. на основании договора займа от 01 августа 2024 года ... выдал А. А.В. денежные средства. В связи с отказом А. А.В. от досрочного возвращения займа Ш. не позднее 09 декабря 2025 года обратился к своему бизнес-партнеру Г., и тот предложил ему прибегнуть к помощи адвоката А., с которой у него имелся опыт решения подобных проблем. В ходе состоявшейся 09 декабря 2025 года встречи с Ш. при участии Г. адвокат А., сославшись на имеющиеся у нее коррупционные связи в правоохранительных органах, пообещала Ш. добиться возбуждения уголовного дела в отношении А. А.В. и супруги последнего в целях понуждения к возврату долга. С этой целью Ш. передал адвокату А. 2 000 000 рублей наличными и флеш-накопитель с необходимой информацией.

В дальнейшем в ходе переписки, голосовых сообщений и телефонных разговоров в декабре 2025 года адвокат А. без заключения с ней соглашения об оказании юридической помощи обсуждала с Г. и Ш. передачу денежных средств за совершение указанных действий, а также условия реализации достигнутых договоренностей. При этом адвокат А. представила Ш. проект договора с ООО «В.» (ИНН), предусматривающего оказание последним юридических услуг, направленных на урегулирование спора и взыскание задолженности по указанному Договору займа. Пунктом 4.1 проекта договора с ООО «В.» предусмотрено: «Стороны согласовывают, что единственной формой оплаты услуг Исполнителя по настоящему Договору является вознаграждение, предусмотренное п. 4.3 и выплачиваемое исключительно при условии фактического взыскания с Должника (А. А.В.) в пользу Заказчика денежных средств и/или имущества в результате действий, предпринятых Исполнителем в рамках настоящего Договора». Пунктами 4.3 и 4.4 проекта договора предусматривалось, что вознаграждение исполнителя составляет сумму, превышающую 52 000 000 рублей, которые Ш. получит от А. А.В. в счет возврата долга, а также сверх либо транспортных средств BMW X3 и Ford Transit, принадлежащих А. А.В., либо их денежного эквивалента в сумме 8 000 000 рублей.

30 декабря 2025 года Ш. прекратил общение с адвокатом А., а 06 февраля 2026 года направил ей сообщение о неисполнении ею взятых на себя

обязательств, непредоставлении соглашения об оказании юридической помощи и потребовал возврата переданных ей денежных средств в сумме 2 000 000 рублей, а также флеш-накопителя с информацией.

Заявитель Ш. выдвигает против адвоката А. дисциплинарное обвинение в том, что она приняла на себя устное обязательство перед ним – используя имеющиеся у нее коррупционные связи в правоохранительных органах, добиться возбуждения в отношении А. А.В. и его супруги – Т. уголовных дел в целях понуждения А. А.В. к возврату Ш. долга по указанному договору займа, получила от него за оказание указанной услуги 2 000 000 рублей, свои обязательства не исполнила, полученные денежные средства не вернула.

Адвокат А. в ходе дисциплинарного разбирательства пояснила, что Ш. планировал заключить договор на оказание юридических услуг с ООО «В.», поскольку данная компания специализируется на взыскании подобных долгов. Ш. лично и напрямую общался с сотрудниками указанной компании, обсуждал условия и сроки, вносил свои коррективы. Услуги оказывались Ш. добросовестно, о чем свидетельствует зарегистрированное в УВД ... г. Москвы заявление, а также прямое участие Ш. в общении с сотрудниками «УВД ... г. Москвы». Полагает, что добросовестность исполнения поручения подтверждает и сам заявитель Ш., указывая в жалобе, что 13 февраля 2026 года ему поступила информация из ОМВД России по С. району города Москвы «по факту его заявления от 23 декабря 2025 года (КУСП № ...)». Ш. сам стал уклоняться от сотрудничества с адвокатом А. и отказался заключить с ней соглашение как с адвокатом, что подтверждается представленной им перепиской. Несмотря на частично оказанные услуги, ООО «В.» готово произвести возврат денежных средств Ш., однако он от их принятия уклоняется. Учитывая изложенное, адвокат А. считает, что в ее действиях отсутствует состав дисциплинарного проступка. Однако после ознакомления с заключением Квалификационной комиссии адвокат А. изменила свою позицию, дав в заседании Совета приведенные выше пояснения.

Оценивая выдвинутые заявителем дисциплинарные обвинения в совокупности с установленными в результате дисциплинарного разбирательства фактическими обстоятельствами, Совет отмечает следующее. Согласно п. 1 ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, физическим и юридическим лицам (далее – доверители) в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию.

В соответствии с пп. 5 п. 2 ст. 2 того же Федерального закона, оказывая юридическую помощь, адвокат, в числе прочего, участвует в качестве представителя доверителя в уголовном судопроизводстве.

В силу требований пп. 4 п. 1 ст. 7 указанного Федерального закона адвокат обязан соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката и

исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Кодекс профессиональной этики адвоката содержит следующие предписания, относимые к предмету настоящего дисциплинарного разбирательства:

существование и деятельность адвокатского сообщества невозможны без соблюдения корпоративной дисциплины и профессиональной этики, заботы адвокатов о своих чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуры (абзац 2 преамбулы);

адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре (п. 2 ст. 5);

в любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения (п. 5 ст. 9);

закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных настоящим Кодексом, не могут быть исполнены адвокатом (п. 1 ст. 10).

В результате дисциплинарного разбирательства достоверно установлено, что 10 декабря 2025 года в 14 часов 15 минут адвокат А. направила Г. в мессенджере Telegram голосовое сообщение следующего содержания: *«(имя), добрый день. Передайте, пожалуйста, А.. Я вчера назвала два, но на два не соглашаются, говорят три. Но мы эту сумму включим в возврат. Ну, получается, в получении общей суммы там не пятьдесят, а пятьдесят три тогда. Вот, сообщите А., пусть он мне даст обратную связь, если он согласен, то завтра я готова с ним увидеться, потому что я уже вылетаю обратно в Москву»*. В 13 часов 38 минут 11 декабря 2025 года она направила Г. в мессенджере Telegram голосовое сообщение следующего содержания: *«(имя), смотрите, для информации для Алексея, я сейчас разговаривала с людьми и сказала, что он может дать только два бюджет, все, больше ничего давать он не может и не будет. Поэтому, собственно, как я и обозначала ту сумму, на ней останавливаемся, вот. Потому что время идет, тут надо либо работать, либо не работать»*.

Г. ответил адвокату А. в том же мессенджере в период с 08 часов 09 минут по 08 часов 20 минут 12 декабря 2025 года следующими сообщениями: *«Доброе утро! (имя) поздно вышел на связь. Поэтому сегодня пишу. Он согласен. Спрашивает, за 2 млн «качество» работы будет такое же как за 3 или рвення будет меньше) Оплачивает 2 млн и подписываем контракт на 51 млн. + две машины. Если будут вопросы – при подписании по этому расчету проговорим»*. *«Есть но. (имя) хотел бы моего участия при этой встрече. А у меня командировка. Прилетаю только в понедельник. В виду этого, встретиться все вместе сможем только во вторник, 16/12.*

Поэтому предложение, пересмотреть задание, если возможно. Срок возврата установить до 30.12». «(имя) считает, что если будет возврат средств – то в первые 3-4 дня. Но это его мнение. Поэтому к переносу срока готов». «Я выйду на связь после 10.30 Смогу ответить на вопросы, если будут. Пытался уйти от общения через посредников, но похоже буду с Вами по этой сделке, если все состоится)».

Адвокат А. в 08 часов 21 минуту того же дня ответила: «Доброе утро, (имя). По поводу нашей встречи, можно и во вторник. Но фактуру и 2 нужно отдать сегодня – т.к. нужно еще изучение и подготовка к мероприятиям».

В 10 часов 53 минуты 16 декабря 2025 года Г. направил адвокату А. в мессенджере Telegram текстовое сообщение следующего содержания: «По договору вопрос. В договоре не указан срок исполнения, а есть дата действия договора до 31.12.2026. Возникает вопрос, что исполнитель может не, торопить заемщика возвращать долг до указанной даты, т.к. позднее 31.12.26 г. все возвращенное автоматически становится гонораром успеха. Возможно стоит прописать формулировку иначе, чтобы этот момент был учтен».

В 16 часов 54 минуты 23 декабря 2025 года Г. направил адвокату А. в мессенджере Telegram текстовое сообщение следующего содержания: «Добрый день. (имя), нужен Ваш комментарий по ситуации. Дело не возбуждено, о чем вчера говорили. (имя) провел день, по-сути дав только объяснение и только зарегистрировали МАТЕРИАЛ проверки. Дальнейшее развитие событий, как вы обещали, под вопросом. Процесс выглядит не типично, когда люди заинтересованы. Торопили с оплатой, т.к. нужно подработать информацию. Но этой подработки не видно. Получив деньги за то, что мы обсуждали, накладывает на людей определенные обязательства. Мы обсуждали много того, чего не произошло».

На это сообщение адвокат А. в 17 часов 11 минут ответила Г. следующим сообщением в том же мессенджере: «(имя), добрый вечер. У вас не верное представление по ситуации. Дело возбуждено на востоке, материал проверки заведен также в ... т.к. мы указали передачу денег по адресу ... а не где-то на рынке в области, более того опера сразу в своем материале сделали группу внеся супругу таджика, машины и квартиру в объяснение и создав мотив мошенничества группой лиц, а не гражданско-правовые отношения по расписке и договору займа, возврат по которому еще не наступил. А так же уточнились по рынку в М. и сотрудники дали понять что очень хорошо знают этот рынок, и просто уточнили у (имя) вид продаж товаров, возможных подельников таджика. Более чем дать пояснение и описать ситуацию – от (имя) ничего и не требовалось или я не права».

В дальнейшем на сообщения Г. от 23 и 24 декабря 2025 года, в которых он просил адвоката А. сообщить ему номер уголовного дела, она в 14 часов 48 минут 24 декабря 2025 года написала: «(имя), здравствуйте. Все хорошо –

опера уже заработок «делят» – сегодня звонили (имя) – все хотят встречу и работать».

В 11 часов 38 минут 25 декабря 2025 года в ответ на очередное требование Г. придерживаться согласованного плана и сообщить номер возбужденного уголовного дела адвокат А. отправила ему следующее сообщение: *«(имя) по поводу звонка (имя) – ему звонил какой-то прыткий опер с целью «заработать» (он потом и мне звонил) но мы сообщили его руководству и ситуация у него прояснилось. По поводу должника – работы ведутся. По возбужду – сегодня постараюсь доехать взять бумагу. Просто вчера у меня были свои «мероприятия» и я не успела».*

В 19 часов 40 минут 30 декабря 2025 года Г. отправил адвокату А. сообщение следующего содержания: *«Здравствуйте. Он написал то, что договор не выполнен. Где уголовное дело, которое сначала с Ваших слов было на Востоке, затем на Севере и реализация с привлечением таджика и другие обещанные мероприятия? Посмотрите нашу переписку. Об этом более развернуто писал я. Но ответов не получил. (имя) кратко изложил то, что должно было произойти за оплаченный гонорар и справедливо требует вернуть его».* В ответ в этот же день в 20 часов 03 минуты адвокат А. написала: *«(имя) а мне кажется есть намерение ввести меня в заблуждение. И я готова пояснить в чем».*

Кроме того, 27 декабря 2025 года между Г. и адвокатом А. по инициативе последней состоялся телефонный разговор, в ходе которого они также обсуждали вопросы, связанные с возбуждением уголовного дела в отношении А. А.В. по факту совершения им преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, процессуальными действиями, которые якобы проводятся в связи с расследованием указанного уголовного дела.

Отвечая на претензию Г. о том, что двумя миллионами Ш. фактически оплатил свое же заявление в полицию, и отвечая на вопросы Г. о движении дела, адвокат А. пояснила следующее:

– *«Да, я вам говорю. Да, я вам сейчас объясняю. Обыски у таджика были. Значит, (имя) было предложено подъехать на место, но он сказал, что он этого сделать не может, потому что у него ребенок. Он нам дал контакт, вернее, не нам, а бэпникам, (имя), который на месте, на складе в М., администратор. Люди выехали туда. Этого таджика, которого он на ш, я не помню фамилию, писал, там на месте не оказалось, но его сейчас устанавливают, ищут. По одному адресу был сделан обыск, по второму адресу не подтвердилось, что данный гражданин вообще там имел какое-то место бытия» (00:02:02-00:02:42 аудиозаписи).*

– *«Они передали в итоге все в САО. Теперь смотрите, (имя)... ой, то есть, (имя), значит (имя) приехать туда не смог. Следовательно, в понедельник нас с (имя) вместе, таджик уже все, он уже приглашен и в понедельник его привозят туда. (имя) привозят, то есть (имя)... мы с (имя) приезжаем туда. Между нами проводят очную ставку, протокол, ну вернее между (имя) и таджиком» (00:02:46-00:03:13 аудиозаписи).*

– «Да, мы говорим... нет, о материале, не о материале, а об уголовном деле. Они проводят мероприятия, на которых устанавливается, что да, этот гражданин должен (имя) денежные средства. Таджик просит примирения, понимаете, да, о том, что он готов подписать график» (00:03:16-00:03:33 аудиозаписи).

– «Да, теперь мне поступило указание о том, что (имя) не должен этого делать, никакого графика платежей предоставляться не должно. Как только (имя) отказывается, этому объясняют. Либо он закрывает вопрос, либо его закрывают. По девяносто первой. Все. Это будет в понедельник. Вот мероприятия, которые были запланированы на пятницу и вчера на субботу, ой, то есть у нас уже какой день, да, на пятницу, на четверг и на пятницу, они были выполнены. Все адреса, те, которые указал (имя), все было передано, это все сделано. (имя) была возможность быть там лично, однако он отказался, он сказал, что у него утром ему нужно быть. Да, с ребенком» (00:03:38-00:04:21 аудиозаписи).

– «Потому что есть курирование СК, получается. И из-за того, что у нас разные адреса, из-за этого только было принято решение сделать изначально в два... В два адреса, потому что мы не знали, вернее, не мы, а люди не знали, где будет эффективнее это все сделать» (00:05:14-00:05:31 аудиозаписи).

– «... возбудил в итоге дело. Они передали материал» (00:05:37-00:05:39 аудиозаписи).

– «ГУБЭП. ГУБЭП возбудил дело. Получается, БЭП ... занимается этим вопросом» (00:05:44-00:05:50 аудиозаписи).

– «В понедельник. Мы с (имя), я с (имя). Это будет там. Значит, будет очная ставка проводиться о том, что устанавливается. Мы будем там. Очная ставка будет проводиться по факту того, что подтверждение денежных средств. Из-за того, что у (имя) договор до двадцать шестого года, до марта, по-моему, по договору, хоть он и направил это требование о том, что он прекращает. Вы знаете, да, по возврату, что до марта двадцать шестого договор?» (00:07:26-00:07:55 аудиозаписи).

– «Да, да, да. Вот, соответственно, (имя) пояснил при опросе о том, что он расторг этот договор, что этот расписался. Нужно установить все эти факты о том, что этот взял, этот расписался. Он это получал, следовательно, он подтверждает, что он это все получил, подписи это его. О том, что ему известно было, что человек требует с него обратно денежные средства. Вот, более того, этот сам просит о том, чтобы было примирение. Но нам не нужно никакого примирения, никаких графиков. Он просит график платежей» (00:07:58-00:08:31 аудиозаписи).

– «Да-да. Да, они все отработали, поэтому включили супругу» (00:07:58-00:08:31 аудиозаписи) (00:08:43-00:08:46 аудиозаписи).

– «Вот я сейчас, я сейчас, вот сейчас прям по этому факту я не могу вам ничего сказать, но с учетом того, что с учетом этой флешки как раз и наличия там вот этого ИП, супруги таджика, потому что свое-то он передавал вообще в другое ведение ИП. Из-за этого ее включили в эту группу

лиц. Ну, то есть, как бы, по объяснению (имя) и по заявлению. Почему мы подавали дополнительное заявление? Потому что первоначально мы не хотели ее включать и думали, это будет как орудие с последующим использованием» (00:08:52-00:09:25 аудиозаписи).

– «Да, часть четвертая, конечно, сто пятьдесят девятая, часть четвертая – мошенничество» (00:09:28-00:09:32 аудиозаписи).

– «Ничего, никуда он не улетит. Он уже никуда не улетит. Уже обыски прошли, куда он улетит. Все уже. Какие? Куда он улетит?» (00:10:57-00:11:06 аудиозаписи).

Из этого же разговора усматривается, что ранее адвокат А. оказывала Г. подобные услуги. В частности, Г. в ходе этого разговора сказал адвокату А. следующее: *«то, что вы делали ранее, мне внушает доверие»* (00:01:13-00:02:02 аудиозаписи).

Параллельно с Г. адвокат А. также вела переписку в мессенджере Telegram с заявителем Ш.

Так, в 15 часов 50 минут 15 декабря 2025 года она отправила Ш. сообщение о том, что допрос предварительно будет проводиться в четверг, затем задала ему вопрос, готов ли он подписать договор, на который от Ш. поступил утвердительный ответ. В 16 часов 19 минут Ш. направил адвокату А. следующее сообщение: *«А тогда, может быть, как-то проект посмотреть, можно, того, что мы будем подписывать, проект договора. А то мы же там, я так понимаю, не сможем ни корректировки внести, ни... ничего более»*. В 17 часов 17 минут адвокат А. выслала Ш. проект договора с ООО «В.» в формате Word, предусматривающего оказание юридических услуг по урегулированию спора и взысканию задолженности по указанному выше Договору займа между Ш. и А. А.В. Содержание существенных условий, предусмотренных проектом этого договора, изложено выше. От имени ООО «В.» указанный договор должен был подписать его генеральный директор – А. В.Б.

В этот же день адвокат А. обсуждала с Ш. в голосовых сообщениях отдельные положения указанного договора, в том числе и конкретный срок решения проблемы Ш.

19 декабря 2026 года адвокат А. выслала Ш. заявление о возбуждении уголовного дела, адресованное одновременно Начальнику ГУ МВД России по городу Москве и «Следственному управлению по ... города Москвы», попросила его подписать и вернуть ей скан подписанного заявления, что и было сделано Ш.

В 16 часов 00 минут 23 декабря 2025 года это заявление было зарегистрировано дежурным ... ГУ МВД России по городу Москве в КУСП за № ..., в подтверждение чего Ш. был выдан талон-уведомление № ... В этот же день неустановленным сотрудником УВД по САО ГУ МВД России по городу Москве от Ш. в присутствии адвоката А. были получены объяснения.

30 декабря 2025 года Ш. прекратил общение с адвокатом А., а 06 февраля 2026 года отправил ей сообщение следующего содержания: *«(имя)*

доброе утро. Сегодня 6 февраля 2026 года. Вы, как мой адвокат приняли на себя обязательства за 2 миллиона рублей возбудить уголовное дело в отношении А. до 25 декабря 2025 года и гарантировали этими деньгами возврат мне от него долга! В связи с неисполнением Вами своих обязательств я сообщил Вам, что далее с Вами я работать не буду, так как соглашение адвокатское Вы так и не предоставили, а просто пообещали представиться моим адвокатом на словах, что меня категорически не устраивает! Вы пообещали до 12 января 2026 года вернуть мне мои 2 000 000 и флешку с информацией. Вместо этого Вы вообще пропали! Где мои деньги? (имя), Вы понимаете, что это мошенничество? Я требую вернуть мне мои деньги и флешку с базой до конца недели-до 9 февраля 2026 года! Если этого не произойдет я подниму на ноги все средства массовой информации и никакая адвокатская палата города Москвы Вас не защитит!». Это сообщение Ш. отправил адвокату А. в мессенджере «Телеграм» а также в виде СМС.

Оценивая совокупность изложенных доказательств, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает установленным, что не позднее 09 декабря 2025 года Ш. при посредничестве своего знакомого Г. обратился к адвокату А. за помощью в понуждении А. А.В. к досрочному возврату денежных средств, ранее переданных ему Ш. в качестве займа по указанному выше договору, путем возбуждения в отношении А. А.В. и его супруги – Т. уголовных дел с привлечением адвокатом А. в указанных целях за денежное вознаграждение знакомых ей сотрудников правоохранительных органов. При этом обсуждаемая между адвокатом А. и Ш. лично или через Г. сумма в размере 2 000 000 рублей заведомо для Ш. предназначалась не адвокату А., а, с ее слов, сотрудникам правоохранительных органов, которые взялись решать проблему заявителя указанным выше способом. Дополнительно к указанной сумме, в случае выплаты А. А.В. долга, адвокату А. через подконтрольное ей ООО «В.» Ш. обязался уплатить вознаграждение в размере части взысканной суммы, превышающей 60 000 000 рублей, в том числе в случае, если А. А.В. будет возвращать заем, передавая Ш. указанные выше два автомобиля, стоимость которых Ш. и адвокат А. определили в размере 8 000 000 рублей. Адвокатом А. и Ш. был согласован срок возбуждения уголовного дела в отношении А. А.В. – сначала до 25, затем до 30 декабря 2025 года, после наступления которого заявитель Ш., так и не получив от адвоката А. каких-либо доказательств возбуждения указанного уголовного дела, прекратил с ней общение.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что адвокат А. в нарушение п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката не позднее 09 декабря 2025 года приняла на себя устное обязательство перед Ш.: используя имеющиеся у нее коррупционные связи в правоохранительных органах, не позднее 30 декабря 2025 года добиться возбуждения в отношении А. А.В. и его супруги – Т. уголовных дел в целях понуждения А. А.В. к возврату Ш. долга по договору процентного целевого займа № ... от 01 августа 2024 года.

При этом действия адвоката А., позиционировавшей себя как лицо, обладающее коррупционными связями в правоохранительных органах и в силу этого способное за деньги обеспечить решение вопроса об уголовном преследовании фактически любого лица, безусловно, подрывают авторитет к адвокату как институту гражданского общества.

Таким образом, Совет приходит к выводу о нарушении адвокатом А. при описанных обстоятельствах требований пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 5 ст. 9, п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Поскольку данная деятельность не является адвокатской и не может отождествляться с деятельностью представителя доверителя в уголовном судопроизводстве, сами по себе факты неоформления А. как адвокатом письменного соглашения с Ш. об оказании ему юридической помощи и неисполнения ею принятого на себя обязательства, сопряженного с обманом Ш., правового значения не имеют и дополнительной квалификации не требуют.

Довод адвоката А., согласно которому Ш. вступил в обсуждение договорных отношений с ООО «В.», в которых она являлась лишь неким «передаточным звеном», Советом отклоняется как надуманный, не влияющий на оценку ее профессионального поведения и не опровергающий выдвинутое Ш. дисциплинарное обвинение в принятии адвокатом А. на себя устного обязательства обеспечить с использованием коррупционных связей возбуждение уголовного дела.

Довод жалобы Ш. о том, что адвокат А., получив от него 2 000 000 рублей, не исполнила обещание возбудить уголовное дело и предоставляла ему недостоверную информацию о якобы возбужденном уголовном деле, не подлежит рассмотрению и оценке по существу в настоящем дисциплинарном производстве, поскольку фактически представляет собой обвинение в совершении уголовно наказуемого деяния. Рассмотрение и оценка таких заявлений находится за пределами компетенции дисциплинарных органов адвокатского самоуправления. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно-наказуемого деяния возможно лишь в порядке, предусмотренном УПК РФ. Поэтому, если заявитель Ш. считает, что адвокатом А. совершено деяние, содержащее признаки какого-либо преступления, он вправе в установленном уголовно-процессуальным законом порядке обратиться с соответствующим заявлением в правоохранительные органы.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката А. за совершенное дисциплинарное нарушение, Совет учитывает его умышленный и злостный характер, сопряженный с явным и грубым игнорированием адвокатом основополагающих и обязательных профессиональных правил. Умышленное игнорирование адвокатом императивного запрета на совершение действий, направленных к подрыву

доверия к нему и(или) к адвокатуре, а также требований о поддержании авторитета и достоинства профессии, о недопустимости совершения каких-либо действий, не соответствующих требованиям закона и профессиональной этики, ни при каких обстоятельствах не может быть совместимо со статусом адвоката. Совокупность описанных обстоятельств убедительно показывает, что адвокат А. не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами, а при осуществлении профессиональной деятельности преследует ненадлежащие цели, не соответствующие предназначению адвоката. При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката А. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к ней меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет не усматривает оснований для применения к адвокату А. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление А. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание полагать, что совершенные ей грубые нарушения профессиональных правил совместимы со статусом адвоката.

Совет исходит из своей приверженности защите признанного авторитета московской адвокатуры, который основан на самых высоких профессионально-этических стандартах работы адвокатов, являющихся членами Адвокатской палаты города Москвы. Совет не может допустить утраты или снижения этой ценности вследствие терпимого отношения к совершению адвокатами подобных нарушений.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой является адвокат, на основании заключения квалификационной комиссии при: неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей; нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого адвокат А. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учетом тяжести нарушений и всей совокупности установленных обстоятельств, включая данные о личности А., считает необходимым установить этот срок в 3 (три) года.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 1, 2 п. 2 ст. 17, пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, 4, 7, пп. 3 п. 6 ст. 18, пп. 1 п. 1 и п. 1.1 ст. 25

Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату А. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за нарушение требований пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 5 ст. 9 и п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в принятии на себя не позднее 09 декабря 2025 года устного обязательства перед Ш., используя имеющиеся у нее коррупционные связи в правоохранительных органах, добиться возбуждения в отношении А. А.В. и его супруги – Т. уголовных дел в целях понуждения А. А.В. к возврату Ш. долга по договору процентного целевого займа от 01 августа 2024 года № 7....

Установить срок, по истечении которого А. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 3 (три) года.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков